

Берта Давыдовна Порозовская

**Александр Меншиков. Его
жизнь и государственная
деятельность**

Жизнь замечательных людей

Берта Порозовская

**Александр Меншиков. Его
жизнь и государственная
деятельность**

«Public Domain»

Порозовская Б. Д.

Александр Меншиков. Его жизнь и государственная деятельность / Б. Д. Порозовская — «Public Domain», — (Жизнь замечательных людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Предисловие	7
Глава I	9
Глава II	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Б. Д. Порозовская
Александр Меншиков
Его жизнь и государственная
деятельность
Биографический очерк
С портретом Меншикова,
гравированным в Лейпциге Геданом

Предисловие

*...Счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин...*

Пушкин

Из всех фаворитов и временщиков, которыми так изобилует у нас XVIII век, из всех “баловней счастья”, поражающих воображение необычайностью своих судеб, самым замечательным, самым блестящим и популярным является, бесспорно, знаменитый любимец и сподвижник Петра Великого – Александр Данилович Меншиков. Это, можно сказать, прототип всех последующих русских временщиков. Остерманы, Бироны, Разумовские, Потемкины – все эти “случайные” люди, более или менее продолжительное время хозяйничавшие в России, по сравнению с ним кажутся только копиями, далеко не достигающими блеска оригинала. Никто из них не обладал таким могуществом, никто не поднимался на такую головокружительную высоту и... ничье падение не было так глубоко и трагично.

Биография Меншикова в ее крупных, наиболее эффектных деталях более или менее общеизвестна. В самом деле, кому из людей, хоть сколько-нибудь знакомых с отечественной историей, при воспоминании о великой эпохе преобразований, рядом с фигурой самого Преобразователя не представляется фигура его друга и сподвижника, любимейшего из его “птенцов”; кому хоть в главных чертах не известна замечательная, полная самых резких превратностей судьба этого человека – его низкое происхождение и необыкновенно быстрое возвышение, его беспримерное могущество, безграничное честолюбие, злоупотребления властью и страшное неожиданное падение? Из всех анекдотически интересных эпизодов истории, попадающих даже в элементарные учебники, и именно благодаря этой анекдотичности запечатлевающих в памяти, история мальчика-пирожника, ставшего “полудержавным властелином”, особенно популярна и известна чуть ли не всякому грамотному человеку.

Но Меншиков замечателен не только по романическому характеру своей судьбы. Это не только интересная в психологическом отношении личность – в его лице мы имеем дело с крупным историческим деятелем, имя которого в продолжение целой четверти столетия мелькает перед нами на большинстве страниц отечественной истории. Один из главных сотрудников Петра, более всех других усвоивший его преобразовательные идеи, “полудержавный властелин” еще при жизни великого государя, он становится почти полновластным правителем после его смерти. Екатерина I, обязанная ему трон, является послушным орудием в его руках, в малолетство Петра II Меншиков, будущий тесть императора, распоряжается еще более бесконтрольно, хотя и короткое время. Хорошо ли, дурно ли он пользовался своей властью – это особый вопрос. Факт тот, что после смерти Петра Великого дальнейшая участь его реформ, дальнейшее развитие того, что было начато или только намечено гениальным Преобразователем, всецело зависели от способностей и энергии тех, к кому перешла власть, а следовательно, на первом плане, от А. Д. Меншикова. И *этот* Меншиков – Меншиков, главный исполнитель замыслов Петра при его жизни и его фактический преемник, без сомнения заслуживает нашего внимания в гораздо большей степени, чем тот временщик, неслыханно блестящая карьера которого завершилась так печально в отдаленном уголке Сибири.

К сожалению, несмотря на популярность Меншикова, именно эта сторона его биографии наименее разработана. В общем, жизнь любимца Петра Великого несравненно чаще служила предметом поэтически-литературной обработки, чем серьезного исторического исследования. Оно и неудивительно. Необыкновенные превратности судьбы этого деятеля сами по себе так интересны, так способны действовать на воображение и чувство, что исто-

рическая роль его как-то нечувствительно отступает перед нами на задний план, и ярко очерченная историческая фигура переходит в разряд тех героев, которые особенно охотно утилизируются поставщиками сенсационных романов или назидательных повестей в духе ходячей прописной морали.

Такого именно, за немногими исключениями, характера вся литература о Меншикове. Романов, повестей, драм – прибавим, очень посредственных – мы можем насчитать массу как у нас, так и, главным образом, в западноевропейской литературе. Но более или менее полной научно обработанной монографии, посвященной Меншикову, у нас нет еще по настоящее время. Несколько страниц, посвященных ему в общих трудах Соловьева, Устрялова и Брикнера, да несколько журнальных статей, касающихся отдельных моментов его деятельности – вот и вся наша историческая литература о Меншикове. Такие биографии, какие мы находим в “Жизнеописаниях русских генералов” Бантыш-Каменского, в настоящее время являются совершенно устарелыми. То же можно сказать о краткой, совершенно бесцветной биографии Меншикова, помещенной в “Истории России в жизнеописаниях ее деятелей” Костомарова. Единственная работа, заслуживающая серьезного внимания – “Жизнеописание А. Д. Меншикова” Есипова, представляющая к тому же не столько литературно обработанную биографию, сколько собрание разных, по большей части еще неизданных материалов для этой биографии, осталась, к сожалению, неоконченной и доведена только до 1710 года. Несмотря на обилие источников, относящихся к Петровской эпохе, многие моменты и даже периоды в жизни человека, привлекавшего всеобщее внимание современников, остаются до сих пор невыясненными. Меншиков еще ждет своего биографа, которому предстоит далеко не легкая задача – окончательно разобраться в огромной куче архивного материала, проверить многочисленные, подчас совершенно противоречивые иностранные источники и на основании добытых результатов всесторонне осветить как личность этого деятеля, так и его роль в великой эпохе преобразований.

В ожидании же такого капитального труда все, к чему мы можем стремиться в пределах нашего краткого очерка, составленного на основании одних только печатных материалов – это представить хоть в общих чертах картину жизни и деятельности этой высокоинтересной личности. При этом мы будем по возможности держаться одних только признанных бесспорными фактов, так как популярный характер очерка не позволяет загромождать его ссылками и критическим разборom источников.

Глава I

Вопрос о происхождении Меншикова. – Мальчик-пирожник. – Любимый денщик Петра Великого. – Поездка за границу. – Образование Меншикова. – Фаворит Алексаика и его первые шаги. – Его влияние на царя. – “Дитя сердца” Петра Великого

Уже с первых шагов при составлении биографии Меншикова мы наталкиваемся на серьезные и, по всей вероятности, даже непреодолимые трудности. Обычный прием биографов – проследить жизнь изображаемого лица чуть не с момента его рождения, искать объяснения уже сложившегося характера в условиях его воспитания, во влиянии наследственности и т. п. – оказывается в данном случае совершенно неприменимым. Дело в том, что у нас не только не имеется достоверных известий о родителях Меншикова, о годе и месте его рождения, но и все детство и юность человека, имя которого впоследствии гремело даже на Западе, время его появления при дворе, обстоятельства, при которых он сблизился с Петром, – все это представляет пока ряд страниц либо совсем белых, либо же испещренных такой массой легендарных подробностей, что разобраться в них с полной ясностью нет никакой возможности.

В самом деле, кто такой был Меншиков? Действительно ли знаменитый фаворит Петра Великого был тем “безродным баловнем счастья”, каким он изображается во всех биографиях? Действительно ли человек, достигший звания первого министра и генералиссимуса, одно время полновластно управлявший Россией и даже чуть не основавший собственную династию, был такого низкого происхождения, что в молодости должен был продавать на улицах пирожки, как рассказывают многие современники?

Как ни легендарно звучат подобные рассказы, но в сущности из всего, что касается начала жизненного поприща Меншикова, только вопрос о его происхождении может считаться в настоящее время более или менее выясненным. Не подлежит никакому сомнению, что первый “светлейший князь” действительно происходил из простолюдинов, и можно даже вполне согласиться с мнением Соловьева, который и само предание о мальчике-пирожнике считает заслуживающим полного доверия. Мы позволим себе несколько подробнее остановиться на этом вопросе, так как решение его в том или другом смысле, помимо его чисто внешнего интереса, представляется нам довольно важным в психологическом отношении. Нет сомнения, что самые крупные пороки временщика – его безграничное честолюбие и надменность, нажившие ему столько врагов, его ненасытная страсть к титулам и богатствам – в значительной степени объясняются его происхождением, свойственным всем выскочкам стыдом за свое прошлое, желанием пускать пыль в глаза, дабы во что бы то ни стало заставить окружающих забыть это прошлое.

Не говоря о бесчисленных баснях, распространявшихся на Западе еще при жизни князя разными, большею частью анонимными биографами, существуют два параллельных предания относительно его происхождения: одно – более распространенное, по которому будущий фаворит был сыном придворного конюха и мальчиком продавал на улицах пирожки; другое выводит его из знатной литовской фамилии. Последнее, по-видимому, находит себе полное подтверждение в дипломе императора Иосифа I от 1706 года, возводящем Меншикова в княжеское Римской империи достоинство, и в русском дипломе 1707 года, которым Петр дарует своему любимцу титул “светлейшего” князя Ингерманландского. Собственного говоря, эти два официальных документа должны были бы служить достаточным доказательством благородного происхождения Меншикова и заставить отнести все рассказы о придворном конюхе-отце “светлейшего” князя и о мальчике-пирожнике к области легенд. На деле, однако же, ни при жизни князя, ни впоследствии никто не придавал значения этим официальным удостоверениям, и во всех почти записках иностранцев, побывавших на русской

службе, как и в донесениях послов, писавших, конечно, со слов окружавших их русских, мы встречаем, с небольшими лишь вариантами, известие о том, что всемогущий фаворит происходил из низших слоев общества. Что же касается пресловутого анекдота о пирожках, то его, правда, повторяют немногие, но зато он подтверждается свидетельством царского токаря Нартова, проведенного при особе Петра целых 12 лет и впоследствии назначенного членом Академии наук. Нартов именно рассказывает в качестве очевидца, что однажды царь, рассердившись на своего любимца, сказал ему: “Знаешь ли ты, что я разом поворочу тебя в прежнее состояние? Тотчас же возьми кузов свой с пирогами, скитайся по лагерю и по улицам и кричи: “Пироги подовые!”, – как делывал прежде. Вон!” И вытолкал его из комнаты. Меншиков обратился к обычной своей заступнице Екатерине, и пока та, зная нрав своего супруга, старалась развеселить его, князь, чтобы доказать свое повиновение, подхватил на улице у пирожника кузов с пирогами, повесил на себя и в таком виде вернулся во дворец. Петр, между тем, успел уже успокоиться; при виде своего любимца он расхохотался и сказал: “Слушай, Александр, перестань бездельничать или хуже будешь пирожника”. Последовало примирение. Потом Меншиков пошел за императрицей и кричал: “Пироги подовые!” А государь вслед ему смеялся и говорил: “Помни, Александр!” – “Помню, Ваше Величество, и не забуду! Пироги подовые!”

По-видимому, между этим рассказом очевидца и официальными документами существует непримиримое противоречие. Но в сущности, как справедливо замечает Соловьев, это противоречие только кажущееся. Дело в том, что при сличении обоих дипломов мы замечаем между ними некоторое разногласие: по латинскому диплому императора Иосифа отец Меншикова был начальником гвардейского полка; в русском же упоминается лишь то, что отец служил в гвардии царя, причем один из служилых иноземцев, генерал Гордон, источник, вполне заслуживающий доверия, поясняет нам даже, в каком именно чине: по его словам, отец Меншикова был простым капралом. Без сомнения, диплом, выданный царем своему любимцу, заслуживает большего доверия, чем иностранный, и если в нем ничего не говорится о высоком звании отца новоиспеченного князя, то последнее, очевидно, следует приписать лишь любезности венского двора, желавшего задобрить влиятельного человека. Таким образом, из всех свидетельств, благоприятных Меншикову, приходится считаться лишь с русским дипломом, по которому отец князя был “из фамилии благородной литовской и, ради верных его услуг в гвардии, сын его был принят ко двору”. А этот источник, как мы уже сказали, ничуть не противоречит общераспространенному преданию о низком происхождении Меншикова, о том, что отец его был одно время придворным конюхом. Известно, какое значение получили при Петре придворные конюхи; из них преимущественно сформировались потешные полки – Семеновский и Преображенский, впоследствии составившие первые два гвардейских полка в России. Вполне естественно, что бывший придворный конюх, попав в гвардию, дослужился до капрала. Что же касается его принадлежности к “благородной литовской фамилии”, то и тут нет ничего несовместимого с популярным преданием. Со времени царя Алексея в Москве жило много выходцев из Литвы, принужденных бежать с родины вследствие гонений на православие. Одни из них поступали на службу при дворце, другие занимались мелкими промыслами. Известно, что в эпоху революции многие, даже знатнейшие французские эмигранты должны были зарабатывать себе хлеб каким-нибудь ремеслом. Что ж мудреного, что какой-нибудь выходец из мелкой литовской шляхты, представители которой в настоящее время встречаются и на самых низших общественных ступенях, поступил в придворные конюхи, а сына отдал в учение к пирожнику. К тому же в то время почти все мелкие служилые люди занимались какими-нибудь промыслами.

Впрочем, этими известиями и соображениями и исчерпывается все, что мы можем с некоторой достоверностью сказать о происхождении Меншикова. О годе и месте его рождения также не имеется точных данных. По одним известиям, он родился близ Владимира, по

другим – в Вологодской губернии, по третьим – в Московской. Год его рождения обыкновенно определяют по дневнику голштинского камер-юнкера Берхгольца, сообщающего, что 6 ноября 1723 года праздновали день рождения князя, которому исполнилось 50 лет. Следовательно, Ментиков родился в 1673 году и был на полтора года моложе Петра. Имеются, однако, другие данные, относящие его рождение к другому году. Голиков, например, утверждает, что Меншиков был старше Петра на 2 года, следовательно, родился в 1670 году.

О первом появлении будущего фаворита при дворе опять-таки не известно ничего достоверного. В грамоте 1707 года говорится, что Меншиков взят к Петру “с юных лет”, но когда именно и при каких обстоятельствах – об этом сохранились одни лишь предания. Некоторые иностранцы рассказывают, что он перешел к царю от Лефорта. Красивый бойкий мальчуган, обыкновенно предлагавший свой товар с какими-нибудь остроумными прибаутками и шутками, обратил на себя внимание Лефорта, который и взял его к себе в услужение. Петру, часто бывавшему запросто у своего тогдашнего любимца, также понравился проворный мальчик, и так как Лефорт не мог нахвалиться его смышленостью и преданностью, то царь пожелал взять его к себе¹. Все это если не верно, то по крайней мере правдоподобно. Положительно же известно только то, что Меншиков служил в Преображенском полку при самом его учреждении, а следовательно, в потешных (впервые имя молодого фаворита упоминается в списках этого полка в 1693 году, причем он числится бомбардиром), и что он в то же время в течение нескольких лет исполнял при Петре должность денщика.

В этой-то должности смысленный и ловкий юноша имел все шансы сблизиться с молодым царем. Денщики были самые близкие к Петру люди, исполнявшие самые разнородные поручения его. Они попеременно дневали и ночевали при нем, и Петр, при своей ненасытной любознательности и кипучем нраве, заставлявшем его безотлагательно приводить в исполнение всякую пришедшую ему в голову затею, имел полную возможность узнавать на деле способности окружавших его молодых людей, их понятливость и пригодность к тому или другому роду деятельности. Денщики во все царствование Петра играют большую роль при дворе: из них вышли, между прочим, и такие “птенцы гнезда Петрова”, как знаменитое “око государево”, генерал-прокурор сената Ягужинский, первый полицмейстер Петербурга Девьер и др. Что же касается Меншикова, то он, по-видимому, очень скоро стал пользоваться особым расположением царя, все более возрастающим по мере того, как Петр убеждался на деле в его разносторонних способностях. Остроумный, находчивый и расторопный, при каждом случае выказывавший свою беспредельную преданность государю и редкую способность угадывать его волю с полуслова, Меншиков мало-помалу успел так сильно привязать к себе Петра, что тот совершенно не мог обходиться без него. Любимый денщик должен был находиться при царе безотлучно и даже спал у его кровати. В Азовском походе Петр и Меншиков жили вместе в одной палатке. Когда в 1697 году Петр затеял небывалую в русской истории поездку царя за границу, его сопровождал и Меншиков. Вместе с царем последний обучался в Голландии корабельному мастерству, в котором показал большие успехи, и в один и тот же день корабельный мастер Геррин-Клас-Поль выдал обоим аттестаты на звание плотника. Из Голландии Меншиков ездил с Петром в Англию, оттуда опять в Голландию и Вену. Он был и в числе тех семи волонтеров, которые должны были сопровождать царя в Венецию; на его имя даже взят был у венецианского посла проезжий лист. Но весть о возмущении стрельцов расстроила этот план, и Петр с Меншиковым поспешили вернуться.

Каковы были плоды этой поездки, как подействовало на Меншикова все виденное и слышанное в новом, столь чуждом ему мире, что вынес он оттуда по части своего умственного обогащения, помимо знакомства с корабельным делом? Все это вопросы, на которые

¹ По Голикову, это случилось в 1689 году

мы не можем дать прямого ответа. Относительно образования будущего министра и фельд-маршала мы знаем достоверно только одно – что Меншиков, если и не был совершенно безграмотен, как утверждают многие, то во всяком случае не умел писать. Сохранились две расписки, от 1702 и 1704 годов, о получении им жалованья по званию корабельного мастера; в одной его рукой сделана надпись: “Александр Меншиков принял”, в другой – “Взял и списался”. Но за исключением этих двух документов, в бумагах Меншикова не сохранилось ни одной строчки, написанной его рукой; во всех его письмах, даже самых секретных, только подпись принадлежит ему, да и та нацарапана такими каракулями, что только посвященный в состоянии разобрать ее. Из иностранных языков Меншиков знал один немецкий, которому научился, конечно, по слуху и, по всей вероятности, еще до поездки, в Немецкой слободе. “В великом муже и полководце, каким он почитается, – иронически замечает по этому поводу датский посланник Юст Юль, познакомившийся с Меншиковым в 1710 году и отзывающийся довольно пренебрежительно о способностях всемогущего тогда князя, – такая безграмотность особенно удивительна”.

Совершенно понятно, что образованный европеец был на первых порах поражен подобным отсутствием самого элементарного образования у первого сановника в государстве и особенно его влиянием на человека, в такой степени ценившего образование, как Петр. Но для нас сам факт этого влияния, не подлежащий никакому сомнению, служит лучшим доказательством того, как высоко ценил царь природные дарования Меншикова, его энергию, находчивость и безусловную преданность.

Впрочем, недостаток даже элементарного образования не исключал еще для Меншикова возможности расширить свой кругозор, приобрести многие необходимые ему знания и вообще развиваться путем практическим. Ведь и сам Петр не получил в юности сколько-нибудь удовлетворительного образования, и если впоследствии он изумлял даже образованных европейцев обширностью и разносторонностью своих сведений, то это следует всецело приписать его страстной любознательности, его чуткому, необыкновенно восприимчивому уму, черпавшему для себя пищу отовсюду, учившемуся от жизни еще более, чем из книг. Такую же восприимчивость, хотя и в более слабой степени, надо предположить и у Меншикова. Любимец царя, его неразлучный спутник и товарищ как в разгуле, так и в трудах, Меншиков учился и развивался наравне со своим царственным другом, проходил, под его руководством, одну с ним школу. Попав к нему с улицы, поглощенный трудной службой требовательному и нетерпеливому господину, при котором должен был находиться безотлучно, Меншиков не имел возможности подготовиться к своей будущей роли путем теоретическим. Но именно эта постоянная близость к Петру, бравшему его с собою и в мастерские, и в музеи, и на придворные празднества, устраивавшиеся в честь знатного путешественника за границей, необходимость приглядываться и прислушиваться ко всему окружающему и уяснить себе все виденное и слышанное, хотя бы только для того, чтобы угодить царю, чтобы быть в состоянии понимать и даже предугадывать его желания – все это не могло не отразиться на развитии богато одаренного от природы молодого человека, и можно а priori² сказать, что Меншиков вернулся на родину с более широким умственным горизонтом, с большим запасом идей и знаний, чем до отъезда.

Несомненно также, что новый царский любимец, каким он уже считался в то время, вполне разделял и поддерживал в Петре его преобразовательные идеи, его намерение все переделать у себя на иностранный лад. По всей вероятности, увлечение Западом со стороны Меншикова было вполне искренним, так как в нем оно не сталкивалось с той косностью, с тем уважением к старым традициям, которые заставляли других, более родовитых спутников Петра, смотреть на иноземцев и на все иноземное с недоверием и пренебрежением.

² заранее (лат.)

Меншиков в полном смысле слова – новый человек; его ничто не связывает со стариной; он знает только волю своего повелителя и применяется к ней тем охотнее, что новые порядки ему на руку, так как открывают новые горизонты его пробуждающемуся честолюбию.

И действительно, тотчас же по возвращении из-за границы Меншиков начинает играть при дворе заметную роль. У него по-прежнему еще нет никакого официального звания, но он участвует во всех новых затеях царя, и там, где другие русские люди проявляют одну лишь пассивную покорность, обнаруживает энергию и пыл, свидетельствующие о том, что он вполне проникся намерениями царя.

Начались нововведения. На первом же приеме по возвращении из чужих краев Петр, среди разговоров и приветствий, набрасывается на близких бояр с ножницами в руках и собственноручно обрезает им бороды. То же самое проделывает Меншиков с членами ратуши и приводит остриженных на показ царю в Успенский собор. Во дворце у него шьют французские и итальянские кафтаны для приближенных и прислуги. Устраивается Семеновский полк – Меншиков шьет для него знамена.

Впрочем, та же исполнительность, то же старание угодить государю замечаются и в таких случаях, которые рисуют Меншикова в очень непривлекательном свете. Одновременно с нововведениями в одежде, с гонением на бороды начинаются страшные стрелецкие розыски и казни. Это, как известно, самые мрачные страницы в русской истории со времен Грозного... Ожесточенный новым возмущением своих старых врагов, не раз уже злоумышлявших против его жизни, видя в них постоянный, неиссякаемый источник смут и заговоров, Петр решил совершенно уничтожить стрелецкое войско и обнаружил в расправе с мятежниками неслыханную жестокость. Он не только присутствовал при допросах и пытках стрельцов, но, по словам некоторых современников, сам действовал топором и собственноручно отрубил в Преображенском головы пятерым стрельцам. Меншиков и в этом подражает своему повелителю. Не имея никаких личных причин разделять ожесточение Петра, он, однако, не уступает ему в жестокости и расправляется со стрелецкими головами со столь же легким сердцем, как и с бородами чиновников. Очевидцы рассказывают, что 17 октября, в день особенно многочисленных стрелецких казней, царь заставлял и бояр исполнять роль палачей. Те повиновались, но – бледные, с трясущимися от ужаса руками; иностранцы же – Блюмберг и Лефорт – наотрез отказались, говоря, что в их землях этого не водится. Один только “царский любимец Алексашка” хладнокровно и с изумительной ловкостью принимал участие в кровавой расправе. Он сам хвалился потом, что в этот день обезглавил 20 человек, а одного, стонавшего на колесе, по приказанию Петра пристрелил из фузеи.

Все это, конечно, производит теперь отталкивающее впечатление, рисует Меншикова как человека с очень невыгодной стороны. Но не так смотрел на дело Петр. Встречая со всех сторон явное или плохо скрываемое неодобрение, ропот и в лучшем случае только пассивное повиновение, он не мог не ценить человека, обнаруживавшего такое живое сочувствие к нему, такое понимание его планов, исполнявшего всякое его приказание так толково, охотно, не щадя ни себя, ни других. Что бы ни затеял Петр, он всегда находил в Меншикове энергичного и ловкого исполнителя, схватывавшего его мысль с поразительной легкостью. Этот ничему не учившийся человек все понимал, ко всему применялся. Со сметливостью истинно русского человека он быстро усваивал суть всякого нового дела, не гнушался никакой работой, не знал невозможного. К тому же он умел, как никто, льстить вкусам и слабостям государя. При таких условиях немудрено, что первоначальное простое расположение царя к образцовому денщику становилось все сильнее, переходило в более глубокое дружеское чувство и что вместе с тем ловкий, вкрадчивый любимец незаметно приобретал все большее и большее влияние на своего повелителя.

В записках иностранцев попадаются заметки, свидетельствующие о том, как сильно уже в то время было влияние царского любимца. Так, однажды, вскоре после возвращения

из-за границы, в 1698 году, на пиру у Лефорта царь стал упрекать Шеина за неправильное производство офицеров во время его отсутствия и пришел в такой гнев, что чуть не изрубил виновного саблей. Любимцы Петра, Никита Моисеевич Зотов и князь Ромодановский, пытались успокоить его, но первому достался удар в голову, а второму Петр пересек пальцы почти до половины. Не помогло и заступничество Лефорта, которому также досталось несколько ударов. Дело могло бы кончиться очень плачевно для несчастного Шеина, но тут неразлучный с царем Алексашка увел Петра в другую комнату, и скоро тот вернулся к компании в веселом настроении.

Сцены, вроде описанной, без сомнения, повторялись не раз и еще более скрепляли связь между царем и Меншиковым. Петр, всегда охотно признававший свои ошибки, конечно, должен был чувствовать признательность к человеку, удержавшему его вовремя от поступка, в котором ему потом пришлось бы раскаиваться, и эта признательность была тем более заслужена, что противоречить царю, когда он был не в духе, было далеко не безопасно даже для его любимца. Случалось, что царь и его под сердитую руку угощал жестокой потасовкой³.

Впрочем, как ни заметно уже было в то время влияние Меншикова, он все еще числился только сержантом Преображенского полка и, вероятно, по-прежнему исполнял при царе обязанности денщика. Из сохранившегося письма к нему Петра от 1700 года видно, что он заведовал и домашним хозяйством царя.

“Мейн Герценкинт (дитя моего сердца)! – пишет ему Петр. – Вели вычистить везде и починить. Также вели в спальней сделать пол липовый, да и в других вели новые полы переделать. Также вели пиво слободское и другое Андреева в лед засечь. Также вели сделать вновь погреб под тем местом, где бот стоит или где старая баня. Также и во всем осмотри и прикажи. А сам для Бога не мешкай, а для чего, сам знаешь. За сим передаю вас в сохранение всех хранителя Бога”.

Что этот расторопный денщик, мастер на все руки, займет когда-нибудь первое после царя место в России – это, конечно, никому и в голову не приходило. Для всех – и русских, и иностранцев – он пока не более как любимый слуга, который имеет подчас влияние на государя и которого поэтому не мешает задобрить на случай нужды. Генерал Гордон в своих записках от 1694 года рассказывает, что в праздник Рождества к нему пришли для поздравления некий Ермолай Данилович, “известный Алексашка” и другие, и что первому он подарил червонец, а прочим, в том числе и “известному Алексашке”, всего по талеру. В описываемое время, по возвращении из чужих краев, Меншикову, надо полагать, не предложили бы уже одного талера, но и теперь, как мы видели, он для всех только “известный Алексашка”, любимый камердинер и не более. Сам Петр, конечно, более высокого мнения о своем Алексаше. “Дитя моего сердца” – называет он его в вышеприведенном письме, и это обращение, в связи со многими другими чертами, кажется нам очень характерным. В нем слышится какая-то особая сердечность, что-то действительно отеческое, словно Петр, пользуясь пока услугами своего любимца лишь в делах домашнего обихода, предназначает его в будущем к более широкой деятельности, словно он видит в нем своего ученика, подающего большие надежды. Пока эти надежды еще не оправдались на деле, пока ученик не проявил себя на чем-нибудь существенном, Петр, ставивший всегда на первый план интересы государства, награждавший не лица, а заслуги, не станет награждать его чинами, выделять из среды других. Напротив, выказывая ему открыто свое расположение, он в то же время не хочет возбуждать в нем чрезмерных надежд, сдерживает его разрастающееся честолюбие.

³ Секретарь австрийского посольства Корб, в “Дневнике” которого рассказан вышеприведенный случай, пишет от 15 мая 1698 – 99 г.: “Известный при дворе по царской к нему милости Алексашка шептал что-то на ухо царю, который, уезжая из Воронежа в Азов, уже находился в лодке. Царь был затем так рассержен, что дал своему докучливому советнику несколько пощечин, от которых тот упал замертво у ног разгневанного государя”

“Когда кто-то из придворных, – рассказывает Корб, – ходатайствовал перед царем, чтобы он своего любимца возвел в дворянское достоинство и дал ему звание стольника, царь отвечал, что Александр уже и без того присваивает себе почести, на которые не имеет права, и что надобно уменьшать в нем честолюбие, а не увеличивать его”. Но эта сдержанность со стороны Петра соблюдается только до поры до времени. Как только заслуги его любимца станут явными для всех, царь не пожалеет для него никаких почестей, будет награждать его с истинно царскою щедростью.

Глава II

Великая Северная война.– Возвышение Меншикова.– Меншиков – губернатор Петербурга. – Награды и милости. – Меншиков в Литве. – Победа при Калише. – Меншиков – “светлейший” князь. – Победа под Лесным; взятие Батурина; Опошня, Полтава, Перевалочная. – Меншиков-фельдмаршал. – Военные заслуги Меншикова. – Отзывы о нем современников; их пристрастность. – Общая ненависть к фавориту

Начавшаяся в 1700 году Северная война, имевшая такие громадные последствия для России, является также поворотным пунктом в жизни Меншикова, которому открыла путь к возвышению.

Известны главные фазисы этой войны. После первых поражений, понесенных неопытным русским войском, Петр не упал духом и, действуя более осторожно, набираясь опыта и сил, постепенно научился побеждать своих “учителей” – шведов. В то время как Карл XII, презирая противника, которого без всякого труда разбил при Нарве, обратил все свои силы против более опасного, на его взгляд, Августа, Петр, пользуясь тем, что “швед увяз в Польше”, стал прочищать себе путь к Балтийскому морю. Один за другим сдавались ему плохо защищенные города Лифляндии и Ингрии. Главным начальником русских войск был Борис Петрович Шереметев, но при войске находился сам царь – бомбардирский капитан Петр Михайлов – и поручик Меншиков (в поручики он был произведен после Нарвского сражения, в котором также принимал участие), и одна из первых побед русского оружия была одержана при их содействии. 11 октября 1702 года сдался Петру Нотебург, переименованный Петром в Шлиссельбург, и Меншиков, выказавший при штурме крепости особенную храбрость, был назначен ее комендантом. В следующем году он участвовал во взятии Ниеншанца, маленького городка, сторожившего устье Невы, а спустя несколько дней (10 мая 1703 года) одержал вместе с Петром морскую победу над шведами. Победа была в сущности незначительная – русским удалось на лодках окружить и взять два шведских корабля, подошедших к устьям Невы; но это был первый наш успех на море, и Петр с особенной радостью поздравил своих сподвижников с “никогда не бывалой викторией”. За это дело Меншиков наравне с царем были пожалованы от адмирала Головина орденом Андрея Первозванного. 16 мая того же года на одном из островов шведского устья был заложен новый городок, который должен был служить пристанищем иностранным кораблям. Это и был знаменитый “парадиз” Петра Великого, его “окно в Европу”, новая столица России – Петербург. Один из больверков нового укрепления, раньше всех других выстроенный Меншиковым, назван по его имени, и скоро на Петербургской стороне, против царского дворца, известного теперь под названием “домика Петра Великого”, выстроился и дом для Меншикова, получивший название Посольского двора, так как в нем принимались иноземные послы. Первым губернатором Петербурга и вновь завоеванного края назначен Меншиков.

Уже со времени своего назначения комендантом Шлиссельбурга Меншиков получает возможность действовать более самостоятельно. Петр, дотоле неразлучный со своим любимцем, уезжает в Москву, и последний, оставшись один на театре военных действий, с честью исполняет возложенные на него обязанности. На берегах Невы он отбивается от шведов, ездит в Олонецк, где занимается приготовлениями к постройке флота, необходимого для отнятия у шведов устья Невы. А у губернатора Петербурга еще больше дела. Устройство нового города и защита только что покоренного края, на который шведы в продолжение нескольких лет делали непрерывные нападения, требуют неутомимой деятельности. Благодаря энергии и распорядительности Меншикова новый городок, заложенный на пустынных устьях Невы, начинает быстро обстраиваться; появляется ряд домов для царя и его вельмож на Васильевском острове, и уже в ноябре того же года к нему пристаёт первый иностран-

ный корабль. В июле Меншиков поехал на Свирь, где нашел леса, пригодные для постройки кораблей, и при Лодейном поле заложил верфь, известную впоследствии под названием Олонецкой; здесь строились военные суда, предназначавшиеся в Финский залив. Ему же предложено было построение Кроншлота и Кронштадта, который должен был служить местом пребывания создаваемого военного флота.

Первые успехи Меншикова на военном и административном поприщах являются, как мы уже сказали, началом нового фазиса в его жизни. “Известный Алексашка”, сделавшись губернатором Меншиковым, выходит окончательно на страницы истории. Его природные способности, до сих пор проявлявшиеся лишь на мелочах, находят себе, наконец, достойное применение и начинают быстро развиваться. По отношению к Петербургу можно смело сказать, что новая столица России обязана своим созданием столько же творческой мысли государя, сколько энергии, распорядительности и умению своего первого губернатора.

И в отношениях Петра к его любимцу замечается новый оттенок. Блестящие результаты, полученные благодаря деятельности Меншикова в новом крае, окончательно убеждают царя, что он не ошибся в своем выборе. Денщик Меншиков недаром прошел военную школу в потешных ротах, недаром брал уроки кораблестроительства у саардамских плотников. “Дитя сердца” начинает оправдывать возлагавшиеся на него надежды и мало-помалу становится настоящим сотрудником царя-преобразователя. Любопытно, что эта постепенная перемена в отношениях Петра к любимцу сказывается и в его обращении к последнему в письмах. Свои повеления главным сподвижникам Петр надписывал обыкновенно собственноручно – по-голландски или по-немецки: *Min Her Kenih*, – писал он князю Ромодановскому; Борису Петровичу Шереметеву он обыкновенно писал: *Min Her General-Feldmarscal*, другим просто *Min Her*. Обращение же к Меншикову не только лишено всякой официальности, но и отличается любопытным разнообразием и последовательностью в эпитетах. До 1703 года он называет его “Мейн Герц” и “Мейн Герценкинт”, в 1704 году мы встречаем в письмах царя эпитеты “Мейн либсте Камарат”, “Мейн либсте Фрейнт”, а потом постоянно до конца 1706 года “*Min Bruder*”⁴. Быть может, эта перемена в обращении совершенно бессознательная, но от этого, на наш взгляд, она является не менее характерной.

Теперь, когда заслуги любимца не подлежат больше сомнению, Петр, по-видимому, не считает уже нужным сдерживать его честолюбие. Награды и милости сыплются на него без конца. Между прочим, он назначается даже гофмейстером царевича Алексея. В том же 1703 году Петр, отправляясь в Воронеж, останавливается в обширной и красивой даче Меншикова, при истоке реки Воронежа, и основывает для своего любимца город Ораниенбург. Меншиковым начинают серьезно интересоваться и за границей. Еще в 1702 году император австрийский Леопольд, желая оказать внимание царю, с которым добивался союза, возвел его фаворита в достоинство имперского графа. Это был только второй случай, когда русский становился графом Римской империи – первым графом был генералиссимус и великий адмирал Головин. Но продолжающаяся война открывает Меншикову все новые и новые пути к возвышению.

В 1705 году театр военных действий переносится в глубь Литвы, и Меншиков, вызванный туда царем, пожинает новые лавры. Теперь он уже начальник кавалерии и хотя по рангу занимает второе место в армии, так как состоит под начальством фельдмаршала Огильви, но в сущности заправляет всем. Огильви в своих донесениях царю постоянно жалуется на самоуправство “принца Александра”, как он называет любимца, на то, что генералы, особенно русские, рапортуют прежде последнему, чем ему. Но Петр, разобрав жалобы, обыкновенно принимает сторону Меншикова и даже велит иногда самому фельдмаршалу слушаться его приказаний. “Также не забывайте, – пишет он Огильви, находящемуся в Гродно, – слов

⁴ Мой дорогой товарищ, мой милый друг, мой брат (нем.)

господина моего товарища, который приказывал вам при отъезде своем, чтобы вы больше целост войска хранили, нежели на иных смотрели”. В июне 1706 года Огильви, которым Петр был недоволен за его действия в Гродно, увольняется из русской службы, и вскоре после этого Меншиков блестящей победой над шведами доказывает всему свету, что русское войско не нуждается более в наемном фельдмаршале: 18 октября того же года, в битве при Калише, он разбивает наголову 30-тысячное неприятельское войско под начальством генерала Мардефельда. “Не в похвалу себе вашей милости доношу, – писал он Петру, – такая была баталия, что радостно было смотреть, как с обеих сторон регулярно бились, и зело чудесно видеть, как все поле устлано мертвыми телами...” Заслуги Меншикова в этом деле тем выше, что он имел в своем распоряжении только корпус кавалерии, считавшейся тогда самой слабой стороной русской армии, но он пополнил недостаток пехоты тем, что велел спешиться двум драгунским полкам, и сам со шпагой в руке повел их в атаку. Интересно, что в битве этой должен был участвовать и польский король Август, за несколько дней перед тем тайно заключивший с Карлом Альтранштадтский мир. Лицом к лицу с Меншиковым король не осмелился объявить о своем отказе от союза с Петром. Он пытался уговорить его не дать сражения, но Меншиков твердо объявил, что, совершив такой далекий поход и подойдя к неприятелю на расстояние мили, не хочет возвращаться, не посмотрев на него поближе. *Volens-nolens*⁵ пришлось бедному королю принять участие в сражении, а потом совершать вместе с победителем благодарственные молебны по случаю победы над своим новым союзником.

За это славное дело Петр отблагодарил Меншикова подарком трости, украшенной драгоценными камнями (стоимостью в 3064 руб. 16 алт. 4 деньги, как значится в расходной книге посольского приказа). Король Август со своей стороны пожаловал ему вотчины Полонное и Межеричи.

В том же году Меншиков был возведен в достоинство князя Римской империи, о чем особенно усердно хлопотал при венском дворе воспитатель царевича, барон Гюйсен, а 30 мая 1707 года, в день своего рождения, Петр, находясь в местечке Казимирове, пожаловал Меншикова Всероссийским князем Ижорской земли с титулом “светлейшего”, причем города Копорье и Ямбург, лежащие в этом княжестве, были отданы ему в вечное потомственное владение.

Сражение при Калише было первой правильной битвой, выигранной русскими у непобедимых до сих пор шведов. С этого времени военное счастье начинает изменять последним. Несмотря на победу под Головчиным, несмотря на постоянное отступление русских, Карл начинает сознавать, что напрасно презирал этого противника, и считает уже нужным заручиться против него союзником в лице малороссийского гетмана. Любопытно, что когда после Альтранштадтского мира явился вопрос, куда именно направится теперь Карл, которому оставалось только покончить с русскими, один только Меншиков угадал его намерения. Одни из генералов полагали, что Карл направится на Петербург; это мнение разделял и сам Петр. Другие ожидали, что он пойдет на Москву, что было тоже очень правдоподобно. Один Меншиков выразил предположение, что шведы вступят в Малороссию. Никто с ним не соглашался, но последствия доказали, что его предположение было верно. Впрочем, Петр по его совету еще раньше укрепил Киев.

Не входя в подробности касательно хода войны и военных действий Меншикова, укажем только на победу под Лесным, одержанную им вместе с Петром над 16-тысячным войском Левенгаупта, спешившим из Лифляндии на соединение с Карлом, причем победителям достался весь огромный обоз шведов, на который так рассчитывал король. Еще важнее было взятие Батурина. Как только была получена весть об измене Мазепы, Меншиков, по пору-

⁵ волей-неволей (*лат.*)

чению Петра, поспешил к гетманской столице и взял ее приступом почти на глазах у шведов, находившихся всего в 6 милях. Удачное исполнение этого поручения имело громадные последствия для России. Малороссия, уstraшенная разгромом Батурина, не взбунтовалась, как ожидали Карл XII и Мазепа; и шведы, рассчитывавшие на поддержку казацких полков и на богатые хлебные магазины Батурина, поняли наконец, какую громадную ошибку совершили они, зайдя так далеко в неприятельскую страну, где они были совершенно отрезаны от родины.

Но самым славным, самым блестящим делом в этой войне, делом, с которым неразрывно связано и имя Меншикова, была знаменитая Полтавская битва. Благодаря искусному образу действий Петра, благоразумно уклонявшегося до сих пор от генерального сражения, но ослаблявшего неприятеля мелкими стычками и победами над отдельными отрядами, шведы не представлялись уже более такими страшными противниками, как в начале войны. Прежний ореол непобедимости исчез. Войско Карла XII значительно убавилось, к тому же терпело недостаток во всем, так как Меншиков, отступая перед неприятелем, жег и опустошал все на своем пути. Шведы находились теперь в таком же положении, как французы в 1812 году. Они рассчитывали найти отдых и изобилие в Малороссии, но и эта надежда не оправдалась. Оставался один только исход – заставить Петра во что бы то ни стало принять генеральное сражение и победить его, чтобы не умереть с голоду. Но и Петр должен был, наконец, решиться сразиться с непобедимым Карлом, так как продолжать отступать при прежних условиях означало разорвать собственную страну.

В апреле 1709 года Карл осадил Полтаву. Около двух месяцев простоял он у этого города, где надеялся найти большие запасы. Полтавский комендант Келин мужественно отражал все приступы и даже сам делал смелые вылазки против неприятеля. Однако долго держаться он не мог: необходимо было усилить гарнизон. И вот Меншиков задумывает и приводит в исполнение ловкую диверсию. Напав внезапно (7 мая) на один из шведских отрядов, стоявших под Опошней, и вытеснив его из ретраншементов, он отвлек внимание неприятеля от города, и в то время, как он преследовал разбитых шведов и как к ним спешил на помощь сам король, русские с другой стороны проникли в Полтаву и усилили ее гарнизон на 1200 человек.

Наконец, решительный момент, одинаково нетерпеливо и с тревогой ожидаемый теперь обеими сторонами, наступил. Петр приехал к войску, и 27 июня “грянул бой, Полтавский бой...” Битва началась в 9 часов утра, и через 2 часа все было кончено. Петр и Меншиков распоряжались в огне; шляпа на Петре и седло его были прострелены; под Меншиковым, командовавшим левым крылом, убиты 3 лошади. Карл, раненный накануне в ногу, велел возить себя в носилках между рядами войск. Вдруг ядро ударило в носилки, и король упал на землю. Пронесся слух, что он убит. Паника быстро распространилась между рядами, уже сильно поколебавшимися от натиска русских, и – “непобедимые” бежали.

“Победа при Полтаве, – говорит Соловьев, – была одним из величайших всемирно-исторических событий; могущество шведов, созданное искусственно, посредством завоеваний, было сокрушено; исчезла завеса, скрывавшая Россию от остальной Европы, и перед изумленными народами Запада явилось новое, обширное и могущественное государство, умевшее победить вождя и войско, считавшееся до сих пор непобедимым. При громе Полтавской битвы родился для Европы, для общей европейской жизни, новый великий народ”.

Победители от радости забыли о неприятеле и принялись пировать. Петр обедал в палатке Меншикова со всеми своими министрами и пленными шведскими генералами. Но на другой день Меншиков отправился в погоню за уцелевшими шведами и 30-го настиг Карла XII у Переволочны. Сам король успел бежать на другую сторону Днепра, но генерал

Левенгаупт, командовавший остатками шведской армии (10 тысяч человек), сдался в плен Меншикову.

Еще на поле битвы при Полтаве Петр, пред лицом всего войска, признал заслуги Меншикова в этом славном деле и пожаловал его в фельдмаршалы. Сверх того Меншиков получил во владение города Почеп и Ямполь.

Полтавское сражение завершает собою период самой блистательной деятельности Меншикова как полководца. В течение 9 лет, истекших со времени объявления Северной войны, сержант Меншиков успел дослужиться до звания фельдмаршала, безродный денщик “Алексахка” превратился в “светлейшего князя”, в богатейшего и могущественнейшего вельможу своего времени. Карьера поразительная, неслыханная, настоящее сказочное превращение!.. Но после всего, что нам известно уже о необыкновенной привязанности к нему царя, невольно возникает вопрос: в какой степени это быстрое возвышение было заслужено Меншиковым, и не обязан ли он своей славой полководца пристрастному отношению Петра, который, правда, отличался редкой проницательностью и умением выбирать своих людей, но все же в данном случае мог значительно преувеличивать заслуги своего любимца?

В настоящее время, при том обилии данных, какое имеется в нашем распоряжении для оценки деятельности Петра и его сподвижников, решение этого вопроса не представляет больших трудностей и может рассматриваться только в благоприятном для Меншикова смысле. Блестящий успех, каким сопровождалась все военные действия князя, его энергичная и умелая деятельность в качестве администратора завоеванного края доказывают лучше всего, что Петр награждал и возвышал Меншикова не как любимца, а как одного из самых верных, знающих и деятельных своих сотрудников. Тем не менее не подлежит сомнению, что большинство современников относилось к заслугам “светлейшего князя” более чем скептически и видело в нем только редкого баловня счастья, возвышенного царем по непонятному капризу.

Считаем небезынтересным привести тут три характеристики Меншикова, сделанные в описываемый период тремя иностранцами, представителями разных держав.

В 1705 году английский чрезвычайный посол Витворт, на которого возложена была миссия хлопотать при русском дворе о предоставлении английским купцам разных торговых монополий, в том числе и табачной, делает следующую характеристику царского фаворита:

“Это человек очень низкого происхождения, необыкновенно порочных наклонностей, вспыльчивый и упрямый. Мне передавали из достоверного источника, что он не умеет ни писать, ни даже читать. Низкое происхождение не дало ему случая получить образования, а прямое возвышение на высшие должности, помимо всякого подчиненного положения, лишило его возможности сделать личные наблюдения или научиться чему-нибудь из собственного опыта. Между тем, он своим рвением и вниманием к царской воле сумел войти в беспримерную милость к царю; он состоит дядькой его царевича, губернатором Ингрии, да собственно и всего государства Московского, в котором ничто не делается без его согласия, хотя он, напротив, часто распоряжается без ведома царя, в полной уверенности, что распоряжения его будут утверждены. Он заявляет притязания на такую же неограниченную власть в армии, что уже не раз вызывало и, вероятно, еще не раз вызовет серьезные столкновения с фельдмаршалом Огильви...”

В 1708 году (в донесении от 17 сентября) Витворт, несмотря на победу, одержанную Меншиковым при Калише, по-видимому, ничуть не переменял своего прежнего мнения о нем:

“Величайшее горе царя – недостаток хороших генералов, – пишет он, – фельдмаршал Шереметев, человек, несомненно обладающий личной храбростью, до сих пор не имел дела с регулярной неприятельской армией и недостаточно опытный. Князь А. Меншиков, командующий кавалерией, второй по рангу, но первый по значению. Его влияние на гражданские

и военные дела безгранично, так как царь обыкновенно следует его решениям, подчас даже вопреки собственному мнению... характер его вообще очень непривлекательный. Для военного дела он не обладает ни *знанием*, ни *опытностью*, ни *способностью научиться чему-нибудь*, ни *храбростью* в деле, что ясно выразилось в недавнем беспорядочном отступлении от Вислы к Днепру”.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.